

И. И. ИВАНОВ

История русской критики

<...> Философ с одинаковым успехом может пользоваться фактами и образами, доказательствами и лиризмом. Ведь понятие естественной творческой стихии не дает решительного ответа на высший вопрос философии о первопричине, и здесь после каких угодно опытов и открытий оставалось обширное поприще для личного *творчества* философа.

Система, просто стремясь к возможной полноте и целостности, неизбежно сливала в себе разнообразнейшие элементы, чего могло не быть в фихтианской системе резко практического, нравственно-просветительного характера.

Шеллинг и по внешним внушениям, и особенно по разносторонней талантливости своей натуры создал оригинальное философское учение, изобилующее и плодотворнейшими логическими истинами, и в полном смысле романтическим творчеством.

XI

Шеллинг родился поэтом и очень долго дышал поэтическим воздухом современной Германии. Необыкновенная, очень ранняя талантливость в философских вопросах не мешала первому германскому властителю русских дум до конца сохранять в себе сильную поэтическую закваску. Именно один из первых русских прозелитов¹ немецкой философии от лекций Шеллинга вынес совершенно определенное и очень богатое последствием впечатление: «Шеллинг поэт там, где дает волю естественному стремлению своего ума». И слушатель выражает даже уверенность, что Шеллинг писал в молодости стихи*.

* Ив. Киреевский в письме к А. Кошелеву². *Полное собрание сочинений*. М., 1861. С. 15, 18.

Догадка вполне справедливая.

Деятнадцать лет Шеллинг блестяще усвоил философию Фихте и написал несколько произведений в духе учителя. Но в то же время молодой философ воспринимал обильные влияния другой области — романтической поэзии, лично был в тесных отношениях с главнейшими романтиками — Тиком, Августом и Фридрихом Шлегелями и фантастичнейшим из них — Новалисом. Эта среда и вызвала его самого на стихотворное творчество.

Стихи оказались мимолетным увлечением; несравненно более глубокие следы в умственном развитии Шеллинга оставило романтическое мирозерцание, особенно романтические воззрения на искусство.

Романтическая литературная школа и поразительные успехи естествознания — основные факты в возникновении и в развитии шеллингианства. По существу оба факта вели к совершенно гармонической системе, хотя и далеко не ясной и логической во всех подробностях.

Для романтиков поэзия, искусство не только творческие силы, а высшее духовное явление, душа мира, сущность человеческого развития. Этот взгляд неуклонно развивался Шиллером, независимо от специальных романтических теорий. Художественная гениальность и человеческое совершенство для него тождественны. Эстетическое воспитание человечества значит идеально-гармоническое развитие двух основных сторон нашего нравственного мира — чувства и разума, природы и свободы.

Естественно *красота* и — *истина* — понятия, совпадающие друг с другом*. Но Шиллер так думал только в минуты лирического восторга и сознательно не совершил всего пути к культуре искусства; на долю романтиков осталось еще очень многое.

Шиллер строго разграничивал *красоту* и *мораль*, эстетическую оценку от нравственной, указывал психологическую основу противоречий и приводил убедительные примеры**. Романтики в качестве бурных гениев не желали знать никаких оговорок и довели идеализацию искусства и гения до всеобъемлющей силы и величия.

Поэзия — истинное откровение мира, высшая сущность, вне ее нет ни религии, ни философии, ни познания.

* Шиллер. *Художники*³.

** В статьях *Мысли об употреблении пошлого и низкого в искусстве* и *О нравственной пользе эстетических нравов*⁴.

Гений, т. е. творческая сила — абсолютная личность, *я* фиктианской системы. Здесь романтизм шел рядом с учителем Шеллинга, но отнюдь не ради его целой системы и практических выводов, а переносил только его представление о субъекте на свое понятие гениального художника. Это воплощенная личная свобода, могущество вне законов, границ и контроля, вполне самодовлеющий мир.

Но не единственный, иначе из системы получается отвлеченная мораль, сплошная практическая тенденция, исчезает художественная гармония и всякая поэтическая таинственность. Философия в результате распадается на целый ряд более или менее частных правил нравственного и политического содержания.

Совершенно другой результат, если *я*, т. е. *гения*, противопоставить другому миру, *природе*, точнее, не противопоставить, а привести в естественную органическую связь.

Потому что гений, учил еще Шиллер, та же природа. Отличительная черта гения — торжество над разными хитростями и уловками ума, решение самых запутанных задач «с незатейливой простотой и легкостью», по внушению природы. Отсюда вечная наивность, непосредственность гения*.

Если вся сила гения в его бессознательном слиянии с природой, в голосе и внушениях природы именно ему, гению, — очевидно, творческое вдохновение ничто иное, как раскрытие природы, освещение ее тайн, и искусство — единственная истинная *философия природы*.

Но подлинное определение этого процесса не философия, а *созерцание, интуиция*, вообще нечто противоположное логике и опытному знанию, произвольное и таинственное.

Такова романтическая теория искусства и творчества. Существенная для нас черта этой теории — слияние искусства и высшего познания, философии и поэзии, идей и вдохновения.

Все это означало самое выпреннее превознесение искусства и творческого таланта. Никогда ни одна литературная школа не увенчивала такой славой и блеском поэта во имя его дарования, не отводила такого исключительного места в человеческой деятельности поэзии ради нее самой, как романтизм.

Сильная художественная даровитость, несомненно, самое яркое свидетельство оригинальности личности, и романтики ни на шаг не отстали от Фихте: во имя искусства создавали

---

* *Наивная и сентиментальная поэзия*⁵.

такой же идеальный субъективизм, какой у философа служил политике.

Практические результаты очевидны.

Сколько бы ни было беспорядочной, часто туманной декламации в проповедях романтиков, они первые среди писателей-художников решились установить на общих идейных основах великое призвание поэта. Толкуя с самой возвышенной точки поэтическое творчество, его психологию и его идейное содержание, они тем самым создали совершенно новые общественные и нравственные права для писательской деятельности.

Но этого мало. Вопрос имел и другую сторону, неразрывно связанную с понятием о поэзии.

Раз поэт — глашатай высших тайн, такое назначение налагало на его личность и направление его таланта исключительные нравственные обязательства.

Романтики путем психологии и эстетики дошли до тех самых выводов относительно значения «патетических способностей», какие были высказаны сен-симонистами ради практических целей. Это невольное совпадение романтизма с одной из современных ему философских школ. Но не подлежит ни малейшему сомнению непосредственное и в высшей степени глубокое воздействие романтизма на шеллингианство. Можно сказать даже, вся шеллингианская философия искусства, для нас особенно ценная, прямое наследство романтического литературного направления.

XII

Шеллинг, в сущности, не оставил единой цельной философской системы, он несколько раз вносил поправки даже в основные положения своей философии, до конца находился в процессе философского развития, принимавшего с течением времени все более смутные и произвольные формы.

Первичная склонность к поэтическому творчеству в ущерб логическому процессу довольно легко перешла в фантазерство, а романтическая идея о всепроникающем зоре художественного таланта выродилась в самый подлинный мистицизм.

Эта разбросанность шеллингианской мысли была ясна даже русским последователям философа, и один из ученых родоначальников русского шеллингианства — Галич — отдавал себе отчет в недостатках излюбленной системы*. Это не мешало

* *История философских систем.* СПб., 1818—1819, кн. 2. С. 293.

Шеллингу на вербовать многочисленных восторженных поклонников среди русской молодежи. Впоследствии мы увидим, чего искала и что нашла эта молодежь в шеллингианстве.

Но очевидно одно: Шеллинг, при всей сбивчивости и отрывочности своей системы, ответил на жгучие запросы современного общества.

Его заслуги начинаются с того, что он в философии восстановил права природы, внешнего мира. Никакого особенно смелого и оригинального шага не требовалось для этого восстановления.

Естествознание совершало блестящие и непрерывные завоевания и увлекало за собой философа. Гете был одним из самых эффективных завоеваний современной могущественнейшей и модной науки. Русскому поэту удалось с удивительной точностью определить сущность гетевского поэтического таланта и всего мирозерцания:

С природой одною он жизнью дышал...

Это значило выполнять романтический идеал художественного творчества, воплощать гения в его подлинной природе и истине.

И ни у кого правда и поэзия именно *природы* не сливались в такой гармонии, как у Гете.

Усердные занятия естественными науками будто подсказывали поэту все новые поэтические мотивы и расширяли его умственный кругозор до безграничной увлекательной перспективы пантеистического созерцания дивных «матерей», таинственных, но неотразимо красноречивых стихий бытия.

Гете явился прообразом Шеллинга — более полным, чем романтики. У автора Фауста помимо лирических восторгов пред природой был большой запас чисто научного интереса к ней и уменья даже подробностями естественнонаучных открытий пользоваться с творческими целями.

Изучение явлений природы, по сознанию Гете, дисциплинировало его ум и образовало в известном направлении его поэтический талант.

«Не занимайся я естественными науками, — говорил он, — я никогда не узнал бы, каковы люди. Ни в какой другой области нельзя до такой степени проследить чистое воззрение и мышление, ошибки чувств и ума, слабость и силу характера. Всюду все более или менее шатко и неустойчиво, со всяким можно более или менее сговориться; но природа не допускает шуток, она всегда правдива, всегда серьезна и строга; она

вся — правда: ошибки и заблуждения всегда зависят от людей» *.

При таких воззрениях Гете мог приветствовать систему Шеллинга как философское пояснение и обоснову своей поэзии.

Шеллинг некоторое время изучал математику, физику, химию и даже медицину, в течение всей жизни не упускал из виду ни одного естественнонаучного открытия и стремился не медленно ввести его в свою систему.

Итак, *природа* должна занять место рядом с *я*.

Но в каких же отношениях находятся между собой эти два мира?

Ответ опять подсказан естественными науками. Это, в сущности, *единый* мир, природа осуществляет в своем развитии те же законы, какие лежат в основе нравственного мира.

Эта истина ясна из самого простого соображения.

Почему мы познаем природу, почему даже вообще рассчитываем на плодотворность наших наблюдений и опытов?

Потому что мы можем понять ее. А это мыслимо в единственном случае, когда законы природы соответствуют, точнее, совпадают с законами нашего духа. Иначе книга природы для нас оставалась бы навсегда недоступной.

Ясно, уже существование естественных наук само по себе создавало исходный принцип шеллингианской философии. Если люди понимают друг друга, — единственно потому, что у каждого из них мысль подчиняется тождественным логическим законам, то же самое необходимо предположить и относительно объекта и субъекта, будь это внешний мир и личность.

Гете, подчиняясь своей, по преимуществу поэтической природе, задумывал создать *поэму природы*, своего рода эпос с героями естественными силами, Шеллингу-философу оставалось развить *философию природы*. И он выполнил свою задачу, оставаясь на вполне логическом последовательном пути — даже в мистических выводах.

В самом деле, если *я* и *природа* представляют единство, возникает вопрос: как постигнуть его? Как установить *общее начало* духа и внешних явлений?

Оно, очевидно, заключает в себе слияние двух принципов — свободы, т. е. разума и необходимости, т. е. естественного развития.

---

* *Разговоры Гете, собранные Эккерманом*. Пер. Аверкиева. СПб., 1891. II, 146.

Природа не подчинена деспотическому закону целесообразности, т. е. в ее жизнь не вмешивается сила, ей посторонняя и чуждая.

Природа живет по законам, в ней самой заключенным, ее развитие *необходимо*, но результаты его оказываются в то же время *разумны, целесообразны*. Организмы, несомненно, являются воплощением принципа целесообразности, т. е. разумной свободы.

Органическая жизнь — ступень, где бессознательное творчество природы переходит в сознательный, целесообразный результат.

Итак, слияние *необходимости и свободы, природы и разума*, единственно полное представление о мировом процессе.

Вне этой идеи только два выбора: или материю отождествить с разумом, или устранить представление об органическом развитии, материю безусловно подчинить внешней силе и весь жизненный процесс таким путем превратить в искусственный.

Ни то, ни другое объяснение, по мнению Шеллинга, не удовлетворяет ни логике, ни научным фактам.

Логически, следовательно, единство определено, абсолютный принцип установлен. Это ни всепоглощающее и всетворящее *я* Фихте, ни всенаполняющее себе довлеющее инертное вещество материалистов, это *необходимо разумное, естественно-целесообразное*.

Остается существеннейшая задача: как человеческий ум может этот логический результат сделать достоянием своего сознания, т. е. воспринять его не как внешний вывод, а как момент своего бытия?

Гете, воспевая природу, считал сущность ее недостижимой для рассудка.

«Человек должен обладать способностью возвыситься до *высочайшего разума*, дабы прикоснуться к божеству, которое открывается в первичных явлениях, как физических, так и нравственных; оно скрывается за ними и они переходят от него».

И мы знаем, этот *высочайший разум* даже для трезвого положительного ума Гете часто значил нечто для здравого смысла малодоступное или даже совсем невразумительное.

Например, автору Фауста очень часто приходилось *фантазию* ставить на недостижимую высоту сравнительно с умом.

«Если бы при помощи фантазии, — говорил Гете, — не создавались вещи, которые останутся на веки загадкой для ума, то фантазия немного бы стоила».

И поэт на личном примере оправдывал этот взгляд, допускал в свои произведения образы и идеи, ему самому, по-видимому, неясные, во всяком случае, не поддававшиеся точному толкованию.

Раз у него спросили: что он разумел в сцене, где Фауст идет к *матерям*⁶.

В ответ, рассказывает рассказчик, «Гете, по своему обычаю, закутался в таинственность и, глядя на меня большими глазами, повторял: “матери! матери! как это странно звучит!”» *

Вопрос о *матерях* как раз касался конечного вопроса философии, познания принципа, управляющего миром.

Шеллинг этот принцип свел к *абсолютному тождеству* мира нравственного и мира природы. Но самый термин ничего не объяснял и ничего не доказывал. Звучал он не менее «странно», чем гетевские *матери*. Но вопрос: *яснее* ли и было ли у Шеллинга более удовлетворительное средство раскрыть тайну, чем «большие глаза» и загадочные восклицания?

Средства логического и научного, т. е. доказательного, не могло быть, в силу ограниченных способностей человеческого ума. Он может только постигать отдельные явления и частные законы природы и духа, но охватить единое мировое начало — вне пределов человеческого ведения.

Оставался другой путь, по существу тот самый, какой Гете превозносил в ущерб рассудку, — путь воображения, фантазии, поэтического вдохновения, художественного творчества, т. е. *созерцание* вместо *рассуждения*, искусство вместо философии.

ХIII

Мы видим, как мало Шеллингу потребовалось самостоятельных усилий мысли и в основных положениях его системы, и в окончательном выводе.

За права природы в философии и поэзии поднимались первостепенные современные умы и таланты. Если Гете только ограничился замыслом написать эпос или драму природы, французский академик Лемерсье⁷ выполнил тему. Он сочинил поэму *Атлантиаду*, где вместо греческой мифологии царил физика и действующие лица воплощали *равновесие*, *тяготение*, *центростремительную силу*, разные металлы и даже математические науки.

* Op. cit. II, 6, 219.

Это в полном смысле шеллингианское, хотя и очень грубое произведение. Немецкий философ не мог дойти до таких уродливых результатов, но сущность его мысли — прямое достоинство его старших и младших современников.

Заслуга Шеллинга ограничивается талантливой систематизацией ходячих мыслей и фактов, искусством отвлеченной идеологии сообщить привлекательность поэзии, а фантастические выводы сдобрить научным соусом.

Это поистине артистическое соединение искони, по мнению Платона, враждебных сил выгодно отразилось даже на неоригинальных соображениях и на туманных, чисто вдохновенных обобщениях.

Даровитейший немецкий историк философии с восторгом говорит о благотворных влияниях шеллингианства на науку*. И историк прав. Шеллинг доказал абсолютное тождество законов духа и природы; в природе развивается и осуществляется дух, природа реализует законы духа.

Результаты этой идеи для естествознания очевидны, прежде всего для физики — единство физических сил, для биологии — единство развития организмов, т. е. дарвиновская теория. Шеллинг устранил пропасть между неорганической природой и организмами, т. е. погубил витализм⁸, с другой стороны — связал низшие организмы с высшими необходимой естественной связью, т. е. доказал несостоятельность вмешательства метафизики в естествознание.

Мы видели, на все эти идеи Шеллинга наталкивало то же естествознание, но никто из философов не успел из этих внушений создать целое мирозерцание, способное вдохновить новые научные силы по известному пути исследований. И мы впоследствии встретим среди русских шеллингианцев страстную любовь к естественным наукам, и как раз талантливейшие шеллингианцы будут именно по специальному образованию — естественники.

Шеллингианство, следовательно, первая философская система, многому научившаяся от опытных наук, но зато первая же и оказавшая их популярности и развитию величайшие услуги.

Мир — органическое целое — истина, ставшая во главе всего умственного развития нашего века. Одним из первых апостолов ее был и оставался Шеллинг.

---

* К. Fischer. *Geschichte der neueren Philosophie*, VI Band. Heidelberg 1894, pp. 323 etc.

Но чем шире идея, тем больше риску она представляет в приложениях и выводах.

Один из самых ранних русских шеллингианцев — Велланский, оставил ряд сочинений, прославившихся своей невразумительностью и самыми странными аналогиями и обобщениями будто бы на почве естествознания*. Но когда русский философ производил удивительнейшие операции над «магнетизмом, элетрицизмом и хемизмом», когда мужеский пол признавал типом центробежным и соответствующим свету, а женский центростремительным и соответствующим тяжести и даже гордился таким «познанием вещей», — все это являлось подлинными отголосками шеллингианства.

Надо было только допустить в область философии фантазию и творчество, и принцип абсолютного тождества немедленно породил самых уродливых детищ путем параллелизма между психологией и физикой или химией.

Сам Шеллинг, конечно, не мог ограничиться только усвоением фактов и более или менее определенных выводов естественных наук, он прямо устремился к систематизации природы по отвлеченным понятиям, т. е. к насильственной укладке естественных явлений в рассудочные рамки, в интересах конечного стройного вывода.

Легко представить, сколько произвола и фантазерства должно было возникнуть при таком философствовании!

Творчество философа беспрестанно опережало реальную действительность и независимо от познания самого абсолюта с помощью вдохновения и созерцания на каждом шагу впадало в мистицизм и метафизическую риторику даже при объяснении частных вопросов.

Это, мы уже указывали, вина собственно не лично Шеллинга, а самой задачи. Но увлечение философа несомненно. Он неуклонно погружался в непроницаемый туман откровений, не имевших ничего общего с его ранними наставницами — естественными науками.

Такое движение шеллингианства можно было предусмотреть заранее, лишь только философ назвал источник высшего человеческого познания — поэзию, искусство.

Здесь опять известная личная заслуга Шеллинга именно в остроумном сопоставлении человеческого творчества с творчеством природы.

---

* Ср.: Филиппов М. *Судьбы русской философии*. — Русское богатство, 1894, III, 139 etc. Здесь довольно подробное изложение «философического умозрения» Велланского.

Мы видели, жизнь природы развивается по законам и в то же время целесообразно, процесс одновременно и необходим, и разумен.

То же самое и поэтическое творчество.

Оно в совершенной гармонии сливает вдохновение и сознание, т. е. нечто произвольное, стихийное с требованиями разума.

Художник сознательно приступает и ведет свое дело, но результат работы создается при помощи другой силы, чем раскусодок и критика, в нем всегда заключается *больше*, чем было в сознании художника.

Поэт может тщательно контролировать *процесс* своей работы, но он не может подчинить контролю *плод* ее, не может предсказать его содержание и охватить его смысл. Все это — создание бессознательной творческой силы, и истинное произведение искусства — воплощение такой же гармонии необходимости и разума, как и мировое начало.

Очевидно, творчество — единственный путь к абсолютному тождеству и искусство — высшая ступень человеческой мудрости. Только благодаря творческой способности человек усваивает смысл мирового процесса и познает тайну мирового единства.

На основании этого представления Шеллинг снабдил, конечно, искусство самыми выспренними определениями, совпал вполне с лиризмом романтиков. И мы имеем все основания приписать Шеллингу те же заслуги, какие стяжали романтики провозглашением самостоятельного достоинства и великого идейного значения искусства.

Но и здесь рядом с заслугами не следует забывать безусловно отрицательных результатов.

Объявить искусство высшим проявлением человеческой природы значит устранить шиллеровское настоятельное указание, насколько различна эстетическая стихия от нравственной и до какой степени скользкий путь — следовать внушениям только эстетического характера.

В области эстетики решительную роль играет воображение и все, что увлекает его, называет положительное чувство, например, сила. «Самое дьявольское дело, — говорит Шиллер, — может нам эстетически нравиться, как скоро обнаруживает силу».

И Шиллер счел нужным подробно оценить «опасность эстетических нравов». Нравственность, основанная на чувстве прекрасного, вообще на художественном вкусе, не выдерживает критики.

Устами Шиллера говорил истинный «просветитель», гражданин. Другие речи характеризовали бы чистого художника. А это и был бы крайний последователь шеллингианской теории искусства*. Здесь *правда* отождествлялась с *красотой*, заключались, следовательно, семена самого разнузданного символизма и эстетизма.

И мы, действительно, встретимся с цветами, если не с плодами этих семян, — у русских шеллингианцев.

Столько разнороднейших элементов заключалось в системе немецкого философа, вызвавшего в России первое глубокое и жизненно-влиятельное философское возбуждение.

Нелегко было ученикам разобраться в этом сплетении идей, притом еще не всегда расчлененных и уясненных самим учителем.

Трудность увеличивалась не только ранним поверхностным знакомством русских просвещенных людей с философией, но и культурной и общественной средой, менее всего приспособленной к спокойному, независимому росту философской мысли.

Наконец, именно такая среда вызвала у лучших, благороднейших умов особенно настоятельные нравственные запросы к философии, ставила философию в положение единственной учительницы жизни — личной и общественной и более всего способствовала превращению школы в секту, философов в проповедников.

Эти неминуемые последствия философских увлечений на русской почве создавали, в свою очередь, идейную страстность, приподнимали температуру философской среды и вносили в развитие и смысл систем менее всего организующую стихию.

Если мы примем во внимание все эти условия, окружавшие русские философские поколения, если оценим сопутствующие обстоятельства даже в самом общем, с первого взгляда ясном смысле, мы отдадим справедливость доброй воле и талантливости ранних русских учеников философии, мы даже признаем: вряд ли где возвышенные представления Сен-Симона⁹, Фихте, Шеллинга о нравственном и общественном назначении философа осуществлялись в такой полноте, как в русской литературе философского периода.

* Ср.: Гайм. *Романтическая школа*. М., 1891. С. 555.